

16+

Дарья Фаталина

Сдавайся, я твой

Дарья Фаталина
Сдавайся, я твой

«Автор»

2015

Фаталина Д.

Сдавайся, я твой / Д. Фаталина — «Автор», 2015

Алёна с маленьким сыном переезжают в Калининград, на край российской земли. Здесь она попробует отпустить свою другую жизнь – предательство мужа, его афёру, попытка остановить которую стоила им семьи, боль и память о ней. Но тут, на берегу холодного моря, она встречает человека из-за черты прошлого. Он сожалеет и ищет прощения, но Алёна не спешит довериться бывшему врагу.

© Фаталина Д., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Дарья Фаталина

Сдавайся, я твой

Глава первая, в которой объявляется непрощенное прошлое

«Вот и осень», – думала Алёна, глядя на почти невидимую линию горизонта, где волны серо-зелёного цвета почти сливались с низкими тучами. У берега мелькали ключья грязной пены и сорванные ветром ветки. Накатывая на берег, море усердно полировало их, срывая остатки листьев, и Алёна засмотрелась на это непрерывное движение. Отходя, вода обнажала влажный песок с редкими крупными камнями. Камешки помельче скопились ниже, там, где на их края наступали голыми пятками те немногие, кто в первых числах сентября решался хотя бы зайти – о том, чтобы поплавать, и речи не было – в Балтийское море.

От воды тянуло холодом, а может быть, ей просто так кажется. Тепло здесь бывает редко, и никогда – жарко. Даже летом, в июле или августе, в самые солнечные дни стоит выйти на берег – и по спине бегут мурашки, хочется скорее завернуться во что-нибудь тёплое, желательно в свитер. Чтобы загорать на Балтике, нужно быть закалённым – или уходить подальше от моря, в дюны или под защиту деревьев, куда не проникает пронизывающий солёный ветер.

Она поёжилась, когда очередной порыв зачекотал вытянутые ноги, и посмотрела на деревья за спиной: нет ли в небе над городом просвета. Нет, солнце не показывалось. А к вечеру наверняка и дождь пойдёт...

– Мама! Мам, иди сюда, посмотри, что я нашёл... Это янтарь, настоящий!

Алёна обернулась на крик сына, собираясь сказать, чтобы не мочил ноги в холодной воде, но было, конечно же, поздно: увлечённый своим делом собиратель зашёл в море едва ли не по колено и горстями зачерпывал песок вперемешку с мелкими камешками и осколками ракушек. Придётся переобуться и сменить штанишки, а ведь и получаса на пляже не пробыли. Не ребёнок, а наказание, привычно улыбнулась про себя Алёна, нехотя поднимаясь с постеленного на песок коврика и направляясь к воде. Мягкий влажный песок охлаждал босые ноги.

– Ну что ты так долго! Смотри скорее, мам... Мы разбогатеем?

Никитка жаждал в мокром кулаке желтовато-коричневый камешек, один из миллиона, которые море выбрасывает на берег. Никакой это, конечно же, не янтарь. Но туристы их собирают килограммами, увозят с собой в пакетах и рюкзаках.

– Нет, молодой человек, мы разоримся. На твоих штанах, – доверительно сообщила она, – и на обуви! Ты зачем кроссовки намочил? Я же просила не заходить в воду, она холодная.

– Купаться нельзя, заходить нельзя... Я же не могу, как ты, книжку читать! Мне играть нужно!

– Какой ты ворчливый у меня, котик. Ну, не сердись. Скоро научишься читать как следует – и больше скучать не придётся. А теперь пойдём домой, переодеваться...

– А потом?

– А потом... не знаю, посмотрим. Можем пойти уток покормить на пруду.

Трудно было назвать прудом нечто, напоминающее скорее широкую мелкую лужу на окраине посёлка, но с недавнего времени там и впрямь поселилась пара печальных уток, которые целыми днями кружили по поверхности мутного водоёмчика. Удивлялись, наверное, как их туда занесло, но почему-то не спешили улететь.

Радуюсь, что смогла придумать завлекательное для ребёнка занятие, Алёна ещё раз напомнила про необходимость вернуться домой, и пошла собирать вещи. Опустившись на колени, она укладывала в пляжную сумку книгу и нехитрый провиант, когда за спиной раздалось неловкое покашливание и мужской голос неуверенно спросил:

– Алёна? Это вы?

У неё вдруг зазвенело в ушах, что-то словно отсекло все звуки внешнего мира – вместе с этим проклятым голосом, который она навряд ли когда-нибудь забудет, как не забудет и ту бессильную ярость двухлетней давности... Вот только сейчас Алёна чувствовала, что дрожит не от ярости, а от страха. Что он здесь делает? Чего добивается на этот раз? Он хочет, чтобы она умерла?..

Хотелось очутиться сейчас рядом с Никитой, обнять его крепко-крепко и поверить, что всё в порядке, что ей просто послышалось... Нет. Глупости. Конечно же, не послышалось, а значит, придётся быть храброй. Убрав в сумку коврик, Алёна не спеша поднялась и только тогда обернулась, прикрыв ладонью глаза: солнце слепило немилосердно. Так и есть, перед ней стоял именно тот, кого она ожидала и боялась увидеть.

Фрейман собственной персоной. Интересно, напрямую спросить, что он здесь забыл – это абсолютное безумие? Или стоит рискнуть? А может быть, просто схватить сына и рвануть с этого пляжа... куда? Далеко ли она убежит с ребёнком в охапку...

– Можно подумать, вы могли обознаться, – сухо обронила она. – Какое преступление я мешаю совершить своему мужу на этот раз?

– Ну зачем вы так... – смутился он. – Я здесь совсем по другому делу... то есть, я хотел сказать, совсем случайно. Шёл в кафе, увидел вас и решил подойти. Подумал сначала, что обознался...

– Подойти? – Алёна так удивилась, что даже забыла ненадолго о накатывающей волнами панике и о том, что минуту назад собиралась бежать.

– Ну... да. – Фрейман, судя по всему, был сбит с толку. Он выглядел одновременно смущённым и растерянным, стоял, сунув руки в карманы брюк, и избегал встречаться с Алёной взглядом. – Как... как у вас дела? – он оглянулся на Никитку, продолжающего резвиться по колено в воде. – Как сынишка поживает?

– Вы что, издеваетесь? – сердито спросила Алёна, отступая на шаг. – Или забыли, что это вы его тогда похитили? Скажите, Дмитрий, – она неожиданно для себя вспомнила его имя, – а в тот момент вас не интересовало, как он поживает? Или как я должна себя чувствовать?

– Так это не я... не я похищал.

– Ах да, как же это я запаматовала. Вы были ни при чём, как же! Вы всего лишь украли мой паспорт, чтобы я не смогла улететь в Москву!

Её опять затрясло при воспоминании об ужасе, пережитом в аэропорту, когда, вернувшись из дамской комнаты к ожидающему её в кафетерии Фрейману, она не обнаружила на столе своего паспорта – только бесполезный теперь уже билет... Алёна вспомнила, как кошкой прыгнула на него тогда, царапаясь и даже, кажется, кусаясь, полная дикой решимости любой ценой вернуть документы. Вот только никто ей не помог в пустынном зале ожидания маленького южнороссийского аэропорта, а Фрейман оказался куда сильнее и в два счёта скрутил ей руки...

– Послушайте, я... Это было давно, и мне бы хотелось попросить прощения. Серьёзно. Я не буду говорить, что не понимал, что делаю... или что не мог поступить иначе. Но я рад, что всё закончилось благополучно. Все живы-здоровы...

Он ещё что-то говорил, не представляя, как ранили Алёну эти слова. Живы-здоровы! Все? Ничего-то он не знает, подумала она устало. Да и откуда? Кто мог бы сообщить этому полудурку Фрейману, который не задумываясь выполнял приказ её мужа, что она ждёт ребёнка. Ребёнка, которому не суждено было увидеть этот мир, серый, неудобный и жестокий. Может быть, это и к лучшему – так успокаивала себя Алёна два года назад, когда боль утраты становилась невыносимой; так утешала себя, лёжа в безликой палате запущенной областной больницы. У неё могла бы родиться дочка – темноглазая, быстрая, в отца. Или похожая на саму Алёну – худенькая и сероглазая, с мягкими светлыми волосами. А может, это был маль-

чик... Но его нет, этого ребёнка. Нет из-за того, каким кошмарным потрясением стало для неё исчезновение Никиты и понимание того, кто за всем этим стоит. Может быть, и это тоже к лучшему – что она не родила ребёнка от того человека. От человека, который без малого пять лет был ей мужем.

– Послушайте, вы! – хрипло сказала Алёна, отгоняя мучительные воспоминания. – Я бы вас очень хотела послать в... Но я не умею ругаться. Никогда не умела и не собираюсь учиться. Так что просто... просто оставьте нас в покое! Проваливайте... к чёрту! – выдохнула она. – Из-за вас вся моя жизнь полетела в тартарары, из-за вас я потеряла... Неважно! Никита... Никита, идём! – крикнула она намного громче и пронзительнее, чем собиралась, подхватила сумку и почти побежала к сыну. Вцепилась в его руку, словно в спасательный круг – сын протестующе пискнул, попытался высвободиться из её цепких ледяных пальцев, но Алёна ничего не замечала. Босиком, утопая в песке, она спешила к выходу с пляжа, и Никита едва поспевал за ней.

Фрейман остался стоять у воды, провожая их растерянным взглядом, только за который Алёне хотелось его ударить. Она как во сне брела по тропинке среди деревьев, и только когда мягкая лужайка перешла в мощёную дорожку к стоящим на отшибе первым домикам посёлка, поняла, что оставила на пляже удобные разношенные туфли, в которых ходила уже несколько месяцев и которые единственные из всей её обуви никогда не натирали ног.

Глава вторая, в которой накатывают воспоминания

Алёна с самого начала поняла, что затеянная мужем афёра добром не кончится. Но Григорию надоели «чистые» (его слова), хотя и не особенно прибыльные в сравнении с «настоящим» (и снова) делом операции, и он решил повернуть наконец что-то стоящее, а именно – разорить ближайших конкурентов, корпорацию «Соната Плюс». Он каким-то невероятным образом узнал о грядущих переменах в мировой экономике, и решил повернуть их последствия себе на пользу.

Возможно, вначале он и не собирался делиться задуманным с женой, но как-то вечером они отправились в недавно открытый и страшно модный ресторан – кажется, отметить годовщину свадьбы, и Григорий, не рассчитавший свою норму спиртного, принялся излагать скучающей жене свой остроумный план:

– ... Ха, учитывая новую марку... макроэкономическую политику штатов и их консервацию нефти, цены за баррель поднимутся до шестидесяти баксов, это же фолл... Слышишь, Алёнка?! Это самый что ни на есть фолл! – муж то и дело разводил руками и отпивал ещё вина, самостоятельно наполняя бокал из бутылки, которую не выпускал из рук. – У нас на рынке... да и на форексе... бумажка с дядей Франклином потеряет временно свой вес и ценность, граждане останутся с дырками в кармане, потому как господам банкирам платить будет нечем! Не-чем! – раздельно протянул Григорий. – А если среди них ещё и дураки найдутся...

– Какие дураки? – спросила Алёна, только чтобы показать мужу свою заинтересованность. Он не переносил, когда на него обращали недостаточно внимания, и тут же выходил из себя. Она почти не слушала, что он говорил, и уцепилась только за последнюю фразу.

– Которые не переведут денежки в оффшор и не спишут недвижимость на любовниц! Короче, любимая, у нас в стране резко сократится количество коммерческих банков. Вот это фокус! – довольно расхохотался он, привлекая внимание большинства собравшихся. Алёна готова была сквозь землю провалиться от стыда. Она чувствовала себя хуже некуда, сидя в сверкающем зале шикарного ресторана, одетая в пошитое на заказ шёлковое платье – рядом с вдрызг пьяным мужем, который так и не притронулся к своей тарелке, на которой стремительно остывал лосось под устричным соусом – здешнее фирменное блюдо.

Больше всего на свете Алёне хотелось встать и уйти отсюда, оставив Григория наедине с его бессмысленными задумками – впрочем, как оказалось впоследствии, бессмысленными они вовсе не были. Его план в общих чертах состоял в том, чтобы произвести выгодный обмен пакетов акций нескольких крупных банков, которыми владел Григорий, на акции успешных страховых компаний или производственных предприятий, которым не грозило банкротство в создающихся условиях.

«Стабильность, малышка, вот в чём штука».

Таким образом, конкуренты оказывались с огромным количеством стремительно обесценивающихся акций на руках, в то время как гений финансовых махинаций Григорий получал во владение вполне эти самые стабильные организации.

Алёна бы выбросила пьяный лепет из головы, но председателем правления «Сонаты» был старинный приятель её отца, Иван Антонович Захаров, дядя Ваня, которого она хорошо знала с детства. В последние годы, после смерти отца, они почти не общались, но какое это имело значение! Алёна не могла допустить разорения его семьи, это было бы низко, подло! Но стараться убедить в этом Григория было бы бессмысленно: он жил своей новопридуманной затеей, с каждым днём ювелирно оттачивая план её воплощения в жизнь. А стоило Алёне заикнуться о сочувствии к «дяде Ване», как муж раздражённо велел ей не лезть не в своё дело.

Она бы решилась и предупредила старика о грозящей опасности, пусть даже и не умея точно передать то, о чём говорил муж памятным вечером в ресторане, но Григорий очень скоро сообразил, что излишняя сердобольность жены угрожает осуществлению его хитроумного плана. Он отправил Алёну с Никитой на юг, выкупив им месячную путёвку в самый дорогой прибрежный санаторий. Трёхразовое питание, двухкомнатный номер с джакузи, полный комплекс SPA-процедур в расположенном на территории салоне... Уже разместившись там, Алёна сообразила, для чего была затеяна эта поездка. Она позвонила мужу и заявила, что немедленно возвращается в Москву, чтобы поговорить с Иваном Антоновичем. Григорий, очевидно, испугался, и тогда-то у неё забрали Никиту.

Муж, судя по всему, решил, что это в достаточной степени запугает Алёну и охладит её пыл, а он тем временем сможет провернуть всё дело, держа сына при себе. Он не учёл одного: в тот момент Алёна не испугалась, а разозлилась, просто рассвирепела и ещё больше укрепилась в своём желании разобраться со всей этой мерзостью. Да, она хотела уже не столько спасти Ивана Антоновича, сколько забрать сына из рук мужа и его прихлебателей, но это лишь подстёгивало её желание поскорее очутиться в Москве. И вместо того, чтобы взять билет на поезд (ближайший доступный отправлялся через двое суток после того дня, когда Никиту увезли), Алёна решила лететь самолётом. Мужу, очевидно, сообщили, что она обращалась в аэропорт по поводу заказа билета, и тогда-то рядом с Алёной появился Фрейман. Мерзавец, негодяй, предатель Фрейман, который прикинулся едва ли не сочувствующим лицом, который дал понять, что Григорий опасается только того, что Алёна намерена обратиться к Захарову, но не возражает против её воссоединения с сыном. Она к тому моменту и думать забыла про старика и в свою очередь не возражала против сопровождающего: пусть видит, что она всего лишь хочет встретиться наконец с Никиткой, так и быть, она и шага не ступит в Москве без ведома Фреймана – лишь бы увидеть сына... Из-за беременности Алёна чувствовала себя разбитой и больной, её постоянно тошнило, потому-то она и побежала в туалет, когда они с Фрейманом ждали регистрации в кафе аэропорта. А вернувшись – бледная, измученная, жадно глотающая минеральную воду из только что купленной бутылки, – наткнулась на издевательскую улыбку своего нового знакомого. Обвела глазами столик, ухватила за билет и только тогда поняла, что во время её отсутствия Фрейман забрал паспорт. Наверное, получил какие-то срочные указания по телефону, пока её не было. «Кажется, вы сегодня никуда не полетите», – насмешливо пропел он, глядя на её растерянность. Алёна вскрикнула, рванулась... Фрейман тщетно пытался её оттолкнуть, уберечь лицо от длинных ногтей – Алёна визжала, царапалась, брыка-

лась. Его спасло то, что рейс был ночной, людей в здании аэропорта практически не было, и никто не подошёл осведомиться, в чём дело, а с охраной зала ожидания Фрейман по-свойски договорился заранее. Стражи порядка заранее скрылись в служебных помещениях. Помощи было ждать неоткуда.

Она бы, наверное, здорово разукрасила царапинами его утратившее всё выражение самодовольства лицо, если бы не накотившая внезапно слабость. Алёне вдруг стало очень жарко, щёки запылали, а сердце забилось гулко-гулко. Тогда-то Фрейман и сумел её схватить. Потом было возвращение в ставший её личным адом санаторий на берегу Чёрного моря, звонок Григория, посовествовавшего ей «быть умницей и не дурить», минутка, на которую трубку передали встревоженному её отсутствием Никите... «Мама, а ты к нам скоро приедешь? Я уже скучаю», – лепетал он своим тоненьким, невнятным голоском. Как-то утром, безразлично переключая каналы супермодного телевизора с плоским экраном, Алёна наткнулась на выпуск новостей, из которого узнала, что пророчества Григория относительно коммерческих банков сбылись и о том, что несколько корпораций, в том числе и «Соната», оказались на грани банкротства, и навряд ли их спасёт даже чудо. После этого у Алёны уже ни на что не было сил. Она чувствовала себя выжатой, как лимон, даже хуже... На следующий день после известий в её номере появился Фрейман, далеко не такой уверенный, как в их прошлую встречу, и, опасаясь приближаться к Алёне даже на шаг, оставил на столике в прихожей её паспорт и билет на самолёт с открытой датой. Она механически собирала вещи – свои и Никиткины, – когда нестерпимая боль внизу живота обожгла её, не оставив ни единой связной мысли. Кое-как, держась одной рукой за живот, а другой – за все вертикальные поверхности, Алёна добралась до телефона и позвонила в «скорую помощь».

Неделя в грязной больничке, ещё пара часов в ненавистном номере, чтобы забрать вещи – и Алёна вернулась в Москву. Григорий встретил её сперва настороженно, а потом растерянно, не понимая, в чём причина: его живая, симпатичная жена вдруг угасла, словно бы превратившись в свою тень, молчаливую и бесцветную. Алёна тусклым голосом сообщила, что после всего случившегося не видит смысла продолжать совместную жизнь и, ни словом не заикнувшись о беременности и выкидыше, забрала Никиту и кое-какие пожитки из их с Григорием квартиры. Муж, чувствуя вину, лебезил и заискивал, но она была непреклонна. Тогда Григорий, окончательно растерявшись и ничего не понимая, щедро предложил ей пятую часть той суммы, что была на его счету в одном из европейских банков. Это были огромные и, что ещё важнее, отвратительно грязные и преступные деньги, так что Алёна отказалась. Она попросила только о том, что дал за ней когда-то покойный отец: пять тысяч долларов, чтобы продержаться первое время и хоть как-то устроить их с Никитой новую жизнь. Григорий согласился – с огромным облегчением.

Сперва Алёна не знала, куда уехать, где спрятаться – не от мужа и его мерзких дел, а от той пустоты, которая не хотела покидать душу после того, как тело покинул так и не родившийся ребёнок. Вариант с отъездом за границу Алёна отмела сразу, так как не знала иностранных языков, кроме нескольких фраз на английском, которые выучила, когда они с Григорием ещё отдыхали вместе и ездили то на Маврикий, то в Тунис. Разглядывая случайно попавшую на глаза политическую карту, она вдруг заметила крохотный кусочек суши того же цвета, что и вся огромная Российская Федерация, кусочек, затерявшийся между Балтийским морем и несколькими маленькими странами вроде Литвы или Польши. Такой крохотный, такой одинокий. Спасительно отделённый от остального мира.

Алёна решила переехать в Калининград.

Глава третья,

в начале которой маленький мальчик задаёт слишком много вопросов

В Калининграде оказалось спокойно и на удивление привычно: так, словно Алёна родилась и выросла в этом странном городе, не похожем ни на один другой. Она сразу же полюбила его многообразие: зелёные бульвары, тёмную воду реки, которую горожане называли разными именами – то Прегелем, то Преголей, однотипные ветхие девятиэтажки советских времён и новенькие домики немецкого образца, выстроившиеся вокруг Кнайпхофа, и даже привыкла говорить о городе так, как его жители, употребляя вместо громоздкого слова «Калининград» лёгкое на слух «Кёниг». Никите на новом месте тоже очень понравилось, главным образом потому, что он в силу возраста вообще обожал перемены и открытия. И всё-таки через несколько месяцев после приезда Алёна решила перебраться в пригород Кёнига – Зеленоградск, тихое местечко на побережье Балтийского моря.

Пяти тысяч им вполне хватило на то, чтобы приехать и обустроиться. Алёна устроилась в туристическое агентство – сперва прошла стажировку, потом её приняли в штат и отрядили заниматься горящими путёвками. Конечно, ей бы больше хотелось заниматься неспешным планированием отдыха клиентов, предлагать им несколько вариантов на несколько недель вперёд, но ничего не попишешь. Со временем дела у агентства «Солнечный полёт» стали идти всё хуже, и через полгода после того, как Алёна нашла работу, оно разорилось. Тогда-то они с Никитой и переехали в Зеленоградск. Сына легко приняли в детский сад на окраине, а саму Алёну – в редакцию местной еженедельной газеты, теперь она работала в отделе бесплатных объявлений. Платили немного, так что пришлось задуматься и о подработке, и три вечера в неделю Алёна оккупировала домашний телефон и занималась социологическими опросами граждан на самые актуальные и волнующие общественность темы. Работа «на телефоне» приносила дополнительные три сотни долларов в месяц, и это позволяло маленькой семье ни в чём особенно не нуждаться.

Алёна как раз собирала сына в садик – это было на следующий день после встречи с Фрейманом, – когда Никита вдруг спросил:

– Мам, а тот дядя тебя напугал?

– Какой ещё дядя? – рассеянно переспросила Алёна, наклоняясь, чтобы покрепче завязать ему шнурки. Сын нетерпеливо пояснил:

– Который к тебе вчера подошёл. Ты испугалась, я видел. Это твой... враг?

– Ну что ты, котик. Какие у меня могут быть враги. Я разве похожа на того, кто обижает других людей? А только у таких враги и бывают, ты это, пожалуйста, запомни. А теперь будь добр, бери рюкзак – и пойдём, а то опоздаешь к завтраку.

Никитка послушно потянулся за своим ярким рюкзачком, набитым игрушками, запасной обувью и сменой чистой одежды – на всякий случай. Алёна запирала входную дверь, когда сын, нетерпеливо переминающийся с ноги на ногу на лестнице, вновь вспомнил о таинственном, с его точки зрения, незнакомце.

– Что он от тебя хотел, ма?

Алёна уже хотела было ответить что-нибудь незначительное, как вдруг поняла, что и сама не знает, чего от неё хотел этот Дмитрий... или как там его... Фрейман. То есть, разумеется, она помнила, что этот кретин бормотал что-то про извинения... но стал бы он ради этого их разыскивать! Алёна ни секунды не верила, что встреча на пляже действительно была случайной. Случайно можно встретить бывшего одноклассника, или дворового товарища, или коллегу по предыдущей работе, или сослуживца... Но такие люди, как Фрейман, как все, кто имеет какое-то отношение к её мужу, случайно на пути не попадают. От этой мысли становилось ещё страшнее. Неужели Григорий решил её найти? С чего бы вдруг, ведь прошло два года с тех пор, как она ушла – и всё это время о нём не было ни слуху ни духу.

– Да так... просто увидел – и решил подойти, поздороваться. Выбрось его из головы, Никита.

Однако выполнить это оказалось не так просто, потому что стоило им выйти из подъезда на улицу, как Алёна увидела сидящего на низеньком заборчике, отделявшем заросший палисадник от остального двора, Фреймана. Руки в карманы, брови выразительно сведены над переносицей, упрямое выражение на худощавом лице – Алёна подумала, что за прошедшие годы он ничуть не изменился, даже не повзрослел ни капельки. Сколько ему сейчас? Тридцати, конечно, ещё нет... мальчишка. Бесполезно было делать вид, что они его не заметили: опережая её мысли, Фрейман поднялся со своего места и шагнул к Алёне, протягивая ей забытые вчера на пляже туфли. Сейчас они показались ей ещё более потёртыми, чем обычно, – даже стыдно стало и неловко из-за того, что ему приходится держать в руке эту рухлядь. Алёна быстро протянула руку за туфлями и торопливо запихнула их прямо в пакет с рабочими документами.

– Спасибо, – пробормотала она, намереваясь как можно скорее добраться к выходу со двора.

– Подождите... Алёна... послушайте, ну можем мы поговорить?

– О чём нам говорить, – прошипела она, стараясь, чтобы не услышал Никита, – если каждый раз, когда я на вас смотрю, мне хочется вас ударить?

– Вы меня боитесь, да? – продолжал Фрейман, словно не слыша. – Алёна, слово даю, я вас случайно вчера увидел. Сначала даже не узнал – ну мало ли тут блондинок ходит с детьми.

Ого, так она, оказывается, блондиночка. Очень приятно, господин Фрейман. Вроде бы и не поспоришь: волосы-то у Алёны действительно светлые, но когда тебе идёт тридцать третий год, ты воспитываешь ребёнка и время от времени чувствуешь себя рано состарившейся, такое обращение ничего, кроме справедливого раздражения, вызвать не может.

– Я вас не боюсь, – твёрдо сказала она. – Я вас просто ненавижу. Так же, как мужа. Так же, как всех тех, кто, как и вы, связан с ним одними и теми же грязными делишками. И я не желаю больше вас видеть, слышать и...

Что – «и», Алёна придумать не смогла. Что вообще подразумевает контакт с другими людьми? Прикосновения? О, ну тут всё было с точностью до наоборот. Видеть-слышать Фреймана она пусть и не хотела, но его довольную физиономию разукрасила бы с большим удовольствием. Чем больше Алёна смотрела на его лицо, тем сильнее сердилась. Эта его кривая усмешка, выражение полного непонимания в светлых карих глазах... весь он! Весь он выглядел, как старшеклассник-переросток, глупым и упрямым. И всё равно один его вид заставлял Алёну дрожать. И как только Фрейман догадался, что она его боится...

– И?... – пропищал тонкий голосок, и тогда Алёна разом вспомнила, где находится – и с кем. Ухватила покрепче за руку сына – совсем как накануне, как утопающий цепляется за протянутый канат, и зашагала к выходу со двора, оставив Фреймана наедине со своим самодовольством и никому не нужными извинениями.

Зеленоградск был таким маленьким, что им с Никитой не нужно было даже на автобус садиться, чтобы попасть из дома в детский сад или на противоположный конец города. Однако этим утром, когда они опаздывали, знакомые короткие улочки казались Алёне бесконечными. С каждым шагом она ощущала, как тает её уверенность в том, что жизнь наконец-то наладилась теперь, спустя два года после всего. Одно только появление этого негодяя – и рухнул ненадёжно отстроенный мирок, в котором не было места прошлому, Григорию и всему, с ним связанному.

Она отвела сына в садик, выслушала ворчание старенькой воспитательницы, недовольной опозданием Никиты на завтрак, и поспешила на работу, надеясь хотя бы там отвлечься ненадолго от тяжёлых размышлений о том, как выяснить, что задумал Фрейман, для чего он их преследует. Может быть, отыскать в записной книжке телефон Григория и спросить его? Едва ли муж ответит...

Едва войдя в их маленькую захламлённую редакцию, Алёна поняла: что-то не так. Корреспонденты из отдела новостей – все трое, дизайнер и даже корректор Ирина Викторовна,

известная болтушка, сидели как в воду опущенные. Алёна протиснулась мимо них к своему приткнувшемуся в уголке столу, сняла через плечо сумку, устроилась за компьютером и, не решаясь нарушить молчания, принялась доставать из пакета приготовленные с вечера распечатки для следующего выпуска. Потом взяла ручку и приготовилась внести кое-какие правки, но не выдержала и трёх минут – подняла голову, ещё раз оглядела сослуживцев и неуверенно спросила:

– У нас что-то случилось?

Ирина Викторовна то ли вздохнула, то ли всхлипнула, а Игорь, один из корреспондентов, тускло объяснил:

– Главред сейчас на летучку поехал... Звонили из администрации – нас закрывают. Бесплатная городская газета никому не нужна.

– То есть как это – не нужна бесплатная? А платная, выходит, им нужна? Так может быть, нас просто...

– Нет, деточка, – скорбно покачала головой Ирина Викторовна. – Формат нам менять никто не будет. У «верхушки» уже есть на примете один журнальчик, который они хотя под себя подгрести. А нас – побоку.

– И... когда? – безнадёжно спросила Алёна. Неделя начиналась просто отлично. Понедельник – день тяжёлый, это всем известно, но не настолько же! Сперва встреча с Фрейманом, потом известие о грядущем сокращении. А это значит – снова поиски работы, придётся ещё пару вечеров в неделю посвятить «халтуре», а она и так едва находит время на общение с Никиткой...

– Дали неделю на сборы.

– А... – хотела ещё что-то спросить Алёна, но охнула от неожиданности: разметав в стороны бумаги, ей на стол тяжело вспрыгнула Дюша – прикормленная редакцией лобастая серая кошка.

– Да, кстати, – вспомнил дизайнер Павлик, – Дюшку велели обратно на улицу выгнать. Говорят, тут после нас адвокатская контора будет, им шерсть на полу не нужна...

День тянулся медленно. К обеду, когда Алёна и остальные уже на стенку лезли, не зная, чем заняться и имеет ли смысл готовить материалы в выпуске, который станет последним, вернулся из администрации главный редактор Борис Карлович – высокий лысеющий мужчина в круглых очках – и сообщил, что последнего выпуска не будет вовсе, а на срочную самоэвакуацию редакции дают вовсе не неделю, а трое суток.

– Господа, – печально провозгласил он, – не вижу смысла вас задерживать. Собирайте вещи – и, как говорится... Н-да. С вами приятно было работать, коллектив у нас был славный, так что... Н-да. В общем, не поминайте лихом... вот... Как бы это сказать... До свидания всем! Удачи вам на новом жизненном пути.

Алёна решила пораньше забрать Никитку из садика. Раз уж в ближайшее время не придётся друг от друга устать, лучше провести вместе остаток дня и сводить сына к морю – пусть прогуляется. Перед уходом она выбросила в корзину для мусора все документы, которые так старательно готовила дома, а подумав немного, присоединила к ним и старые туфли. Всё равно их удобство значительно уступает чувству стыда, которое ощущаешь, показываясь в них на людях. Надо избавляться, пока настроение соответствующее...

В детском саду Алёну поджидал очередной сюрприз. Понедельник определённо не скучился на испытания, сваливающиеся на её голову. Группа Никитки под приглядом воспитательницы и парочки мамаш, забежавших провести детей, возилась во дворе садика, плотно оккупировав песочницу и металлическую горку. И только один малыш не принимал участия в общих играх, предпочитая играть в песке качели. Это был сам Никита, а рука, качающая его, принадлежала Фрейману, очередное появление которого оказалось для Алёны последней каплей в череде неприятностей этого дня. Сжав зубы и проговаривая в уме десятки обвинитель-

ных выражений, она широкими шагами направилась к качелям, забыв поздороваться с приглядывающими за детворой женщинами и не замечая, что перекинутая через плечо сумка на длинном ремне больно колотит по ногам.

– Послушайте, вы! – сердито крикнула Алёна, пытаясь одной рукой остановить качели, но силы, конечно же, были несоизмеримы. Всё кончилось тем, что обитый металлической пластинкой угол сиденья больно въехал ей в колено. Алёна отпрянула от качелей, схватилась за ногу и вспомнила про себя все те слова, которые папа запрещал произносить вслух, ещё когда она была маленькой девочкой. Колено пульсировало горячей болью, и она едва не заплакала, когда проворно соскочивший с качелей Никитка бросился утешать мамочку и ненароком задел пострадавшую ногу.

– Мама, мамуля, тебе очень больно? Ма, это я ударил? Мамочка, извини! Мам, ну не плачь! – бормотал сын, дёргая согнувшуюся пополам Алёну за рукав длинной вязаной кофты.

Боль понемногу отступала, и Алёна смогла распрямиться. Потрепав сына по темноволосой головке, она села на злополучные качели и, шумно выдохнув, строго сказала:

– Никита. Ты. Не должен. Подходить. К этому. Человеку. Никогда.

Никитка, всё ещё испуганный тем, что натворил, прижался в её ногам и уткнулся головой в живот. Фрейман, наблюдавший эту сцену с непонятным выражением лица, придал голосу не меньшую твёрдость, чем Алёна:

– Послушайте, я даю вам честное слово, что не буду похищать вашего сына и вас саму, не буду также вас грабить, убивать... насиловать... – задумчиво обронил он после паузы таким тоном, словно как раз в невозможности последнего вдруг очень засомневался. Алёна свирепо глянула на него, но сочла за лучшее ограничиться негодующим молчанием. – Просто давайте поговорим, хорошо? Вы ведь даже не пытаетесь меня выслушать.

Кучкующиеся у песочницы мамы с интересом поглядывали в их сторону, а та, что была помоложе других, украдкой достала из сумочки маленькое зеркальце и принялась поправлять причёску, очевидно, с расчётом на внимание Фреймана. Алёна впервые подумала, что лицо у него очень симпатичное, несмотря на упрямое мальчишеское выражение и глупые попытки придать себе солидности, отложив подальше бритву. И – странное дело – после таких мыслей бояться Фреймана было как-то несерьёзно. И хотя Алёна опасалась того, кто может за ним стоять, но нашла в себе силы заговорить без дрожи в голосе.

– Я бы рада, но... мне некогда, – ответила она. – Правда, некогда. Я только что с работы, где мне сообщили, что наша редакция ликвидируется. Сегодня вечером я должна «подхалтурить», а потом ещё и заняться поисками новой работы. И ещё мне очень хочется хотя бы чуть-чуть поиграть с сыном перед сном. А сейчас нам с ним нужно бежать на рынок, потому что дома кушать нечего. Вот так. Дмитрий... я готова вас выслушать. Но не в ближайшее время.

Фрейман слушал её объяснения с интересом, пару раз даже согласно кивнул головой. Когда Алёна договорила и, не без труда подняв на руки Никитку, встала с качелей, он засмелся:

– Вы маленькая такая, ну куда вам этого богатыря таскать? – и настолько быстро отобрал у неё сына, что Алёна и сказать ничего не успела. – Давайте я отвезу вас в магазин... или на рынок, куда вам нужно... а потом – домой. Заодно и поговорим по дороге.

Не дожидаясь её одобрения или, что вероятнее, потока возражений, Фрейман с Никитой на руках проследовал к выходу с детской площадки, подмигнув на ходу молодой маме, которая к тому моменту завершила свой марафет и теперь ласково улыбалась, кокетливо хлопая ресницами. Интересно, подумала Алёна, а если предположить на секунду, что у нас семья, то это нормально – чужому мужу глазки строить?.. Но уже через несколько наполненных негодованием мгновений она сообразила, что молодая мама, конечно, много раз видела её в детском саду – и безо всякого намёка на мужа – так что вполне могла принять Фреймана за... за кого? Скажем, за приятеля Алёны. А в адрес некольцованного мужика не похлопать ресничками –

грех, особенно если мужик этот – высокий и приятный с виду русоволосый мужчина, которому нет ещё и тридцати. Лакомый кусочек, нечего сказать...

«Лакомый кусочек», не подозревая о мыслях Алёны, как раз устраивал Никиту на заднем сиденье своей блестящей красной машины – очень красивой и аккуратной иномарки, такой только любоваться, даже ездить жалко. Пока Никита выпрашивал у Фреймана, «Тойота» ли это, а если да, то какая именно, Алёна проигнорировала гостеприимно открытую переднюю дверь и тоже юркнула на заднее сиденье, поближе к сыну.

Несмотря на все обещания Фреймана, неизвестно было, куда он их собирается везти, так что ещё до того, как машина плавно тронулась с места, Алёна успела десять раз пожалеть о том, что в неё села.

Глава четвёртая, полная размышлений о жизни

– Ну так вот, – откашлявшись, начал Фрейман. – О чём я, собственно, хотел с вами поговорить.

Алёна никак не могла взять в толк, как всё произошло, точнее, как она это допустила: в дороге они так и не нашли времени для разговора, так что он очень ненавязчиво напросился на чай и теперь сидел в её крохотной кухоньке, привалившись спиной к холодильнику и одобритительно поглядывая на тарелку с горячим супом, который сердобольная Алёна не могла не предложить гостю, уж коли взялась кормить Никитку. О чём она думала, приглашая Фреймана домой? Неужели поверила его бреду про то, что убивать и грабить их он не будет? Липкий страх опять понемногу овладевал ею, и, чтобы скрыть дрожь в ногах, Алёна присела на табурет напротив Фреймана.

– О чём?

– Алёна, – сказал он так проникновенно, словно собирался по меньшей мере сделать ей предложение руки, сердца и прочих внутренних органов. – Попробуйте меня выслушать. Я хочу сказать, что поступил с вами подло – тогда, два года назад, отобрав у вас паспорт.

Он сделал паузу – неужели был настолько наивен, чтобы ожидать от Алёны сочувствия и утешений вроде такого: нет-нет, Дима, вы-то не виноваты, это всё мой мерзавец муж задумал, с него и спрос?.. Но она молчала, и Фрейман продолжил:

– На самом деле, я не жду сейчас того, что вы меня вот так сразу простите, – он снова умолк. – Бред, да что я говорю! Жду, конечно. Но я не дурак, чтобы не понять, что вы этого не делаете.

Алёна никак не отреагировала на его откровенность, просто сидела и с любопытством слушала. Ей нравилось смущение Фреймана, то, как старательно он подбирает слова и с каким аппетитом ест приготовленный ею суп. Алёна никогда не обладала выдающимися кулинарными способностями, но Никитка на её стряпню не жаловался (вот же хороший мальчик, воспитанный), а гостю сырный суп с шампиньонами явно пришёлся по душе, и это было очень приятно. Ел с аппетитом, зажав в одной руке горбушку свежей буханки. Ей вдруг подумалось, что Фрейман должен был быть очень домашним мальчиком, обожающим свою мать и приготовленные ею обеды и ужины. Почему-то этот странный человек постоянно казался Алёне младше своих лет. Она то и дело напоминала себе, что ему как минимум двадцать пять. Неужели он настолько младше её? Даже не верится. И когда только она успела повзрослеть... да что там – постареть!.. Да нет, ему наверняка больше, просто он так молодо выглядит. Но младше её, это точно. Уму непостижимо, как бежит время. Странно, все кругом не устают это повторять, а чтобы самой поверить, нужно встретить по-настоящему молодого парня и...

– Вы меня совсем не слушаете, да?

– Да, – машинально согласилась Алёна и даже кивнула рассеянно, но уже через мгновение спохватилась и принялась отнекиваться: – Простите, эээ... Дмитрий...

– Зовите меня Митей, – проникновенно предложил Фрейман. – Как мама называла.

– По-моему, это лишнее, – буркнула Алёна, удивлённая упоминанием о его матери и тем, как неожиданно точно её представление о Фреймане совпало с реальностью. – Нам с вами не детей крестить.

– Как угодно, – не обиделся он. – О чём вы так задумались? Что-то случилось?

– Новых неприятностей на горизонте замечено не было, – отрапортовала Алёна, взглянув на часы. Ничего себе – уже половина десятого! А Никитка, судя по доносящимся из комнаты звукам телевизора, и не думал ложиться спать. Опять его с утра не добудешься, ну что за ребёнок – наказание... – Никита! – прикрикнула она, повернувшись к двери. – Выключай телевизор и разбирай постель! Поздно уже, спать пора!

– Намёк понят, – засмеялся Фрейман, поднимаясь с табуретки. – Я засиделся. Слушайте, Алёна, суп ваш – просто объедение! Можно я ещё как-нибудь на обед к вам напрашусь, а?

Проводив его до дверей, Алёна помогла Никите расстелить постель и посидела немного рядом с сыном, рассказывая выдуманную на ходу сказку про храброго мышонка по имени Хвостик. Сын обожал слушать её импровизации, и иногда Алёна шутила про себя, что могла бы неплохо подзаработать, став детской писательницей – благо, воображением её жизнь не обделила.

Наконец Никита заснул, свернувшись клубочком под тёплым одеялом. Алёна наклонилась, невесомо поцеловала сына в лоб и решила тоже лечь пораньше, чтобы не проклинать наутро весь мир, с трудом отрывая себя от уютной постели и цедя противный горький кофе: и кто только пьёт эту гадость по доброй воле? То ли дело ароматный свежесваренный чай... правда, он не так сильно бодрит, вот и приходится вливать в себя растворимую арабику. Алёна тихонько прошла на кухню и налила себе в высокий стакан заранее подогретого молока: вот оно, лучшее снотворное, вкусное и полезное, знакомое с детства. Отпивая первый глоток, она зажмурила глаза и словно наяву увидела маленькую кухню, застеленный пёстрой клеёнкой стол и маму – её большую и уютную фигуру возле плиты, на которой грелось в кастрюльке молоко для маленькой Алёнки. Детство, которое сейчас кажется даже не далёким, а скорее – невероятным. Больше двадцати лет прошло, и нет уже той доверчивой Алёнки, тихой и домашней девчушки – а может быть, она просто затаилась где-то внутри?.. И боится выглянуть, боится оказаться одна против всего негостеприимного, сурового мира, в котором мужа обижают своих жён и крадут детей, чтобы выручить большие деньги на подлых сделках... Бедная маленькая Алёнка, неужели она так никогда и не отважится высунуть нос из убежища? Ей ведь казалось когда-то, что Григорий – это пресловутая каменная стена, за которой можно чувствовать себя защищённой и... оберегаемой? Ведь в самом начале он так о ней заботился, с такой нежностью предупреждал любые желания – и куда всё ушло? Когда на место влюблённого мужчины пришёл расчётливый делец, которому деньги заменили всё на свете, всё самое важное, самое дорогое... С тех пор Алёна чувствовала себя жестоко обманутой. Она осталась одна после гибели родителей в нелепой аварии и так надеялась, что Григорий позаботится о ней вместо них. Но Григорий продержался недолго, и с тех пор, как Алёна купила два билета на самолёт до Калининграда, она уже больше ни на чью защиту не рассчитывала: не видела смысла. Раз уж так вышло, то на этот раз она никому не посмеет довериться, на этот раз она обязана вырастить Никиту, воспитать его не таким, как все эти низкие люди из окружения Григория, не таким, как сам её муж...

Алёна допила молоко и вымыла стакан. Она любила порядок и никогда не оставляла немытую посуду наутро. Никитка иногда сердился, когда Алёна заставляла его собирать перед сном все разбросанные игрушки и расставлять по полкам книги, но каждый раз соглашался

утром, что просыпаться в чистой комнате гораздо приятнее. Конечно, его помощь в уборке зачастую оканчивалась тем, что Алёне потом приходилось переставлять вещи по своим местам, но ведь Никита маленький ещё, смешно требовать от него идеального порядка.

С такими мыслями Алёна вернулась в комнату, где при мягком свете маленького ночника под оранжевым абажуром спал Никита. От всего этого веяло таким теплом, такой нежностью, что у неё защемило сердце. Ах, если бы её мальчик никогда не вырос! Ну или хотя бы не так скоро. Так здорово делить с ним эту комнату, ложиться спать в двух метрах от его кровати, чтобы утром, проснувшись, видеть его сонное личико и убеждаться, что всё в порядке, что Никита здесь, его никто не похищает... а если такое и случается, то только в тяжёлых, беспокойных снах Алёны, которые, к счастью, с каждым месяцем посещали её всё реже и реже. Она поцеловала Никиту в лоб, поправила его одеяло и расстелила свою постель. Тело налилось приятной усталостью, и не было ничего лучше, чем нырнуть под толстое одеяло. За окном тосковал прохладный сентябрь, барабана дождевыми каплями по стёклам, а в квартире было тепло и тихо, и Алёна почти сразу же уснула.

Ей приснился Фрейман, которому так понравился её суп, что он и во сне не уставал это повторять.

Глава пятая, **требующая активных действий**

Найти новую работу оказалось гораздо труднее, чем Алёна предполагала вначале. Слишком маленьким городком был Зеленоградск, к которому они с Никитой так привязались за последние месяцы. Можно было, конечно, устроиться продавщицей в один из продуктовых магазинов, которые в изобилии открывались на первых этажах многочисленных новостроек, но это означало – целый день без Никитки при небольших деньгах, которых так или иначе не хватит для того, чтобы нанять для него няню. Других вакансий почти не было. Алёна заглянула было в редакцию журнала, из-за которого администрация закрыла их газету, и даже в адвокатскую контору, которая должна была вскоре занять их помещение – нет, в новых сотрудниках нигде не нуждались, даже в симпатичном молодом секретаре со знанием компьютера на уровне опытного пользователя.

Забирая из редакции оставшиеся вещи – в основном безделушки со стола и кое-какие документы, которые жаль было выбросить, Алёна разговорилась с дизайнером Павлом, который тоже заглянул напоследок в родную контору. Он уже нашёл себе подработку, и это было неудивительно, потому что в своём деле Павлик действительно был хорош. Его нанял крупный калининградский туроператор, заказав разработку корпоративного веб-сайта. По доброте душевной Павел пообещал Алёне замолвить и о ней словечко перед новым начальством, но она не была уверена, что они с Никитой осият переезд в Кёниг, даже если ей и впрямь предложат должность. Квартира здесь оплачена ещё на три месяца, Никитка привык к ребятам в детском саду, и вообще – всё это так сложно: снова паковать вещи, следить за их перевозкой, обжиться на новом месте... И всё же Алёна тепло поблагодарила бывшего сослуживца за помощь.

И тут случилось то, чего она никак не ожидала: Павлик оторвался от упаковки своих дисков, распечаток и книг по компьютерной графике, и, смущаясь, предложил:

– Алён, слушай, а может, встретимся на неделе? Сходим куда-нибудь, выпьем... Я давно хотел предложить, да как-то всё не решался. Знаю, что у тебя сын... и вообще...

Что «и вообще», Павел пояснять не стал – стоял, искоса поглядывая на Алёну в ожидании ответа. Она неуверенно пожала плечами.

– Почему бы и нет...

– Отлично, – обрадовался он. – Тогда я позвоню?

– Конечно.

– Только вот один вопрос... Алён, а что у тебя с тем парнем?

– Каким парнем? – опешила Алёна, нахмурившись. – С чего ты взял?

– Ну, Ирина Викторовна тут рассказывала. Она тебя видела, когда ты сына из садика забирала. Говорит, с вами парень был молодой на дорожном джипе, мажор какой-то...

Алёна расхохоталась. Вот так Ирина Викторовна! Правду говорят: язык до Киева достанет. Джип какой-то выдумала, да ведь машина Фреймана ничуть не похожа – хорошенький такой аккуратный автомобильчик, никакой не внедорожник. Вот же сплетница... Ещё и самого Митю мажором окрестила... Митю? Алёна так рассердилась на себя, что даже смеяться перестала. Никакой он ей не Митя, без панибратства! Фрейман – и точка, не собирается же она, в конце концов, заводить с ним близкое знакомство! Она вспомнила вчерашний ужин и смутилась. Как это так получается, что Фрейман из заклятого врага превратился в... Собственно, в кого? Она ведь не забыла о том, какие неприятности он ей принёс, не забыла его противной ухмылки там, в аэропорту... И что с этим делать?

– Алло? – Павел помахал рукой перед её лицом. – Алён, ты тут ещё?

– Что? А, да... тут... – пробормотала она, припоминая, о чём они говорили. – Он и не мажор никакой, что ты. Просто знакомый. И джипа у него нет.

– Знакомый? Я так понимаю, он не из нашего города? Слушай, Алён, может быть, момент не самый подходящий, но мне бы хотелось узнать...

– Что узнать? – не поняла Алёна, снова принимаясь укладывать вещи в картонную коробку.

– Ну, о том, как ты раньше жила. Где, с кем... Ты ведь не из Кёнига, это видно.

– Паша, – постаралась она сказать как можно мягче, хотя внутри неизвестно откуда поднималась тягучая волна раздражения. И зачем только он лезет не в своё дело? Можно подумать, ему не ужин пообещали – и тот в далёкой перспективе, а что-то более серьёзное. Они всего лишь работали вместе, даже приятелями не были, так чего он тут выпрашивает? Алёна и сама толком не понимала, почему так сердится. Вполне понятный вопрос, и пусть даже отвечать на него ей не хочется, но имеет Павел право спросить? Имеет. Значит, придётся ему как-то объяснить... – Ты прав, момент не тот. И вопрос тоже. Я бы не хотела об этом говорить, – твёрдо заявила Алёна.

Павел растерянно кивнул.

– Что ж... Как скажешь... Ты не обижайся, ладно?

– Забудь.

Алёна хотела ещё что-то добавить, но тут дверь комнаты со скрипом приоткрылась, и в бывшее помещение редакции деловито вбежала Дюшка. Привычно запрыгнув на стол, она принялась с утробным мурлыканьем тереться о руки Алёны. Та погладила кошку по лобастой голове и спросила у Павла:

– А что же с ней делать?

– Не знаю, – замялся тот. – Я бы взял, но... Сама понимаешь, условий никаких. Пусть тут остаётся, может, прикормит кто во дворах...

Алёна вспомнила свою крохотную съёмную квартирку. Навряд ли хозяйка разрешит держать там кошку. Но и бросать её вот так, когда она так к ним ко всем привязалась, тоже было бы неправильно. Просто нечестно.

– Паш, так у тебя вроде мама в городе. Может быть, она возьмёт? Зима же скоро, жалко кошку...

Павлик скривился и отрицательно мотнул головой:

– Да ну, это не вариант. У мамы такая чистота в квартире – ты бы видела! Кошек она не потерпит. Жалко, а что поделаешь – вон их сколько ходит бездомных по улицам.

– Но Дюшка не бездомная! – возразила Алёна. – Мы её прикормили, приласкали – а теперь оставляем.

- Не горячись, она не пропадёт.
- Ну уж нет!

– Вау, – сказал Никитка. – Красивая. Она теперь наша?

Он без опаски подошёл к Алёниной кровати, взял на руки свернувшуюся на подушке Дюшу и прижал к себе. Кошка округлила глаза и пару раз дёрнула хвостом, как будто решая, не пора ли перейти к более активным действиям, но царапаться не стала. Никита осторожно погладил её по широкому лбу.

– Мам, она такая тёплая! Как грелка... Пожалуйста, пусть она навсегда останется.

Алёна улыбнулась, потрепала сына по волосам.

– Останется, если не будет пачкать в квартире. А то нас всех отсюда выгонят, придётся на улице жить.

Никита аккуратно вернул кошку на прежнее место и с ногами забрался на кровать сам. Дюшка опять легла на подушку, но сворачиваться в уютный клубок не спешила – вероятно, на случай, если кому-то опять захочется её потормошить.

– Мам, а почему Митя сегодня не приехал?

– Какой ещё Митя? – упавшим голосом спросила Алёна, заранее зная ответ. Вот оно, начинается. Сама виновата, что не ограничила проникновение Фреймана в их жизнь, а ведь неизвестно ещё, что он на самом деле замышляет. Может ведь и убить, и ограбить, несмотря на все обещания и на то, что с виду он вполне приличный молодой человек. Нет, глупости. Он и тогда, два года назад выглядел прилично. Негодяй.

– Никита, послушай меня, хорошо? Я действительно не хочу, чтобы ты с ним общался. Пожалуйста, я тебя прошу.

– Но мама! – грустил он.

– Что – мама?

– Разве он плохой? Он же просто замечательный! – горячо заверил её Никитка. – Он вчера интересно рассказывал, машину показал. Скажи, крутая?

– Машина хорошая, – не стала спорить Алёна. – А вот сам он... Митя...

– Сам тоже хороший! Ты просто не заметила!

Это прозвучало так забавно, что Алёна невольно улыбнулась. Не заметила? Очень трудно не заметить Фреймана, его напористое, мальчишеское обаяние, его непринуждённую весёлость – и то, что всё это порой переходит в откровенное нахальство. И на первый взгляд, нет ничего плохого в том, что он так нравится Никите. В конце концов, сын не сможет вечно расти у неё под крылышком, почему бы ему и с мужчиной не пообщаться, хотя, разумеется, Митя меньше всего похож на зрелого, состоявшегося представителя сильного пола. Ну вот, сердито оборвала себя Алёна. Она снова назвала его Митей – что за наказание! Она как будто наяву услышала его голос: «Как мама называла...» Мама. В том-то и дело, что сам Фрейман – просто большой ребёнок, и трудно представить себе, что он однажды повзрослеет, что в его словах и действиях прибавится серьёзности. А с другой стороны, какое ей-то до всего этого дело? Пусть Алёна и не дрожит больше при одной только мысли о событиях двухлетней давности, пусть ей не хочется больше расцарапать его лицо, но разве это что-то значит? Какой смысл в том, чтобы поддерживать это абсолютно ненужное им обоим знакомство? И тем не менее Фрейман отчего-то не желает оставить их в покое, и это не может не настораживать.

– Мама, ты о чём задумалась?

– Ох, Никитка... Как тебе сказать? О разном.

Она рассеянно потрепала сына по светловолосой головке. Думать сейчас надо не «о разном», а о вполне конкретных вещах – таких, например, как поиск работы. Не может быть, что во всём городе не найдётся подходящего места. Неужели им придётся вернуться в Кёниг? Когда уже закончатся все эти переезды, устало вздохнула Алёна. Никаких сил ведь не хватает. Вот же

подлость: больше всего на свете ты хочешь забиться в какой-нибудь тихий угол и жить-поживать спокойно... так нет же, случается то и дело что-то, заставляющее срываться с насиженного места. Ни минуты покоя. Ни секунды.

Глава шестая,
в которой семейство неожиданно разрастается

Приняв привеченную редакцией Дюшку на постой, Алёна и подумать не могла, что содержание простой, некогда уличной кошки может повлечь за собой серьёзные расходы. В том, что касалось еды, пушистая жиличка вела себя безо всяких капризов – была вполне довольна овсяной кашей, сваренной с рыбой или мясными обрезками. Приучать кошку к сухим кормам или консервам Алёна не собиралась – лишние траты! И тем не менее определённые финансовые вложения были необходимы.

Всё началось с визита к ветеринару. Как-то с утра, проводив по-осеннему сонного Никитку в детский садик, Алёна вернулась домой, с помощью ломтика докторской колбасы с дивным ароматом уговорила Дюшу влезть в купленную накануне специальную сумку для переноски кошек (шестьсот рублей за какую-то холщовку – разорение!) и отправилась с ней к ветеринару. Маленькая частная клиника располагалась на первом этаже одной из новостроек, протянувшихся кварталом вдоль шоссе на Калининград.

Нужно было проверить новообретённую постоялицу на предмет всяческих неприятных пакостей вроде блох или, не дай бог, болячек, сделать какие-нибудь прививки. Алёна никогда не держала животных и имела весьма смутное представление о том, как нужно следить за их здоровьем. Обеими руками держа тяжёлую сумку, в которой недовольно фыркала разочарованная вероломством новой хозяйки Дюша, она вошла в приёмную клиники – маленькую чистую комнату.

Навстречу им из углового кабинета вышла улыбчивая девушка в медицинской шапочке, забрала у Алёну сумку-переноску и пригласила пройти ко врачу. Ветеринаром в Зеленоградске работал добродушный пожилой мужчина, такой же приветливый, как его помощница. Он ловко осмотрел притихшую Дюшку, которая круглыми глазами испуганно оглядывала белый врачебный кабинет, заметил при этом:

– Здорова она у вас, однако.

– Да, – согласилась Алёна, протянув руку, чтобы почесать кошку за ухом. – Откормили. Но вы знаете, она у меня совсем недавно живёт, а в доме маленький ребёнок. И я подумала, что нужны какие-то уколы... от бешенства... от чумки... Чем кошки болеют?

– О! Чем они только не болеют, уважаемая! Но укольчики-то мы, разумеется, вашей красавице все сделаем. Ребёнку ничего не грозит. Кошечка у вас чистая, хотя я бы советовал прикупить спрей от блох. И глистов протравите, таблетками. Наташа, – доктор кивнул медсестре, – принесёт. У нас здесь своя аптека.

– Замечательно, – улыбнулась Алёна. Ей понравилась опрятная, уютная ветеринарная клиника и люди, которые здесь работали.

– А я вас знаю, – сказала вдруг Наташа, возвращаясь в кабинет с какими-то коробочками в руках. – У вас сын ходит в садик за Курхаусом.¹

– Правда.

– Я сестру туда отвожу часто. Мама у нас в Кёниге работает, а живём мы здесь. Вот я Анюткой и занимаюсь. Я слышала, вы не местная?

¹ Курхаус (нем.) – главный отель. В Зеленоградске Курхаусом называют восстановленную немецкую гостиницу на Кёнигсбергштрассе.

– Я из Москвы. Какое-то время жила в Кёниге, а потом переехала. Здесь тише, спокойнее. Море рядом. И вообще, очень славный и красивый городок, – искренне сказала Алёна. Ей приятно было разговаривать с общительной девушкой. – Знаете, по сравнению с Москвой – просто рай. Я такие тихие пригороды только в кино видели.

– Ну так! – вступил в разговор ветеринар. – Европа!

– Иногда мне кажется, что в этом городе все друг друга знают, – сообщила Алёна сыну за ужином. – Сегодня встретила сестру Ани из твоего садика. Помнишь девочку из третьей группы?

– Задира с косичками, – пробурчал Никитка. – Ну её!

– Молодой человек, что за разговоры? Давай-ка, рассказывай, в чём дело.

– Не хочу.

– Котик, – пропела Алёна, стараясь не рассмеяться над недовольным выражением его личика. – Неужели тебя девочка обижает?

– Вот ещё!

– А что тогда?

– Ма, да ничего. Глупости какие-то прямо! Она со мной хотела тоннель копать в песочнице...

– А ты?

– А я сказал, чтобы шла к девчонкам, играть в... это... – Никитка запнулся, подбирая слово, – чашко-питие.

– Ча-е-пи-ти-е, – поправила Алёна.

– Вот! А она не хотела к ним идти. Я её тоннель сломал совком, а она заплакала и убежала.

– Никита, это же просто нехорошо. Нельзя девочек обижать.

– Ма, да она!.. Она сама! Она теперь меня за-ди-ра-ет. Так воспитательница говорит. Противная девчонка!

Разговор с сыном развеселил Алёну. Вечер вообще выдался удивительно уютным. Они сидели на кухне, ели домашние котлеты с макаронами и болтали о пустяках. Дюшка, оправившаяся от визита ко врачу, мирно дремала на подоконнике, свесив пушистый хвост. В такие минуты Алёна старательно радовалась жизни, радовалась трогательным моментам ничем не нарушаемого счастья. Ничем и никем. Это было важно и ценно. Почему нельзя прожить всю жизнь вот так – успокоено, счастливо и безмятежно? Зачем нужны какие-то сложности?

Философское течение её мыслей нарушил Никита. Он расправился с добавкой макарон, аккуратно – как мама учила! – подобрал с тарелки кетчуп кусочком хлеба и вытер рот салфеткой. Алёна смотрела на сына, который сидел, довольный собой, и хитро ей улыбался.

– Я ведь у тебя хороший?

– Самый лучший!

Ночи становились прохладнее, и Дюшка, первое время кочевавшая с кресла на подоконник, окончательно обосновалась в постели Алёны. Та была не против согревающего соседства. Вероятных глистов вытравили таблетками, обработку пахучим спреем от блох и прочих насекомых кошка перенесла стойко, и теперь с полным правом прижималась тёплым боком к Алёниной спине. Как настоящая грелка!

За услуги добровольного обогревателя Дюша требовала еды и ласки. И если гладить её, обнимать и носить на руках Никитка был готов целыми днями, то за пропитание отвечала Алёна, которую аппетит постоялицы начинал понемногу беспокоить. Решившись приютить беспризорную кошку, Алёна и подумать не могла, что в ту помещается столько каши, рыбы и мясных обрезков. А ведь Дюшка ещё и кефир пила, и творогом лакомилась, и сыр обожала. Не многовато ли... для одной?

Об этом размышляла Алёна, задумчиво поглядывая на округлившиеся бока кошки, которая развалилась на подоконнике в комнате. Сощуренные жёлтые глаза лучились сытостью и довольством, роскошный хвост – «Как воротник на шубе», – сказал Никита – чуть подрагивал.

В доме было тихо. Алёна с удобством расположилась на кровати, обложившись со всех сторон распечатками опросов: на этой неделе пришлось взять вдвое больше материала. Она бегло просматривала анкеты и как раз заметила забавную нестыковку, когда в дверь позвонили. Принесла кого-то нелёгкая!

Алёна схватила фломастер, нарисовала на запястье жирный восклицательный знак и цифры «1.3» – хитроумный код, призванный напомнить о несоответствии в третьем пункте первой части опроса жителей города Зеленоградска об уровне оказания коммунальных услуг, – и побрела в коридор.

Она даже почти не удивилась, обнаружив на пороге Фреймана. Он стоял, большой и смущённый, в новенькой кожаной куртке – пижон! – и... улыбался. Алёна решила это безобразие немедленно пресечь.

– Вы к кому? – спросила она с презрительным холодком в голосе. Не сработало – улыбка незваного гостя стала ещё более нахальной, и он, аккуратно её оттеснив, прошёл в квартиру.

– Я ведь говорил, что на обед напрашусь. Привет!

– Здравствуйте. Во-первых, обеда нет. Во-вторых, вы не напрашивались заранее. У нас здесь всё по записи.

– Вот незадача, – огорчился Фрейман. Заметил росчерк на Алёнином запястье и поинтересовался: – А записаться заранее прямо вот сюда можно, да? На руку?

– Серьёзно, – сказала Алёна, – обеда нет. И... да, я не понимаю, зачем вы вообще пришли.

– Я пришёл к вам на обед.

– Но...

– ... но его нет, это я понял. Поэтому мы сейчас куда-нибудь поедem.

– Зачем?

Начинался какой-то совершенный сюрреализм, и Алёне это категорически не нравилось.

– Затем, чтобы обедать, – объяснил Фрейман ласковым и спокойным голосом, как маленькой. Это ей тоже не понравилось. Тем более что обед на самом деле был – очень даже вкусный вчерашний фасолевый суп в кастрюльке. Наваристый и сытный – пальчики оближешь!.. А тут, понимаете, приходят всякие... и все планы рушат. Или не рушат?

– Я никуда не поеду.

– Ладно, – покладисто сказал он, и сюрреализм продолжился.

Алёне оставалось только наблюдать – за тем, как он снимает куртку, небрежно, по-своему, чешет Дюшкины уши и уверенно шагает в кухню. Она прокралась следом и смотрела, как извлекается из холодильника кастрюлька с супом и миска овощного салата и сервируется стол. Самым возмутительным был тот факт, что всё это Фрейман проделывал с такой лёгкостью, словно каждое утро приходил на её кухню, готовил завтрак и накрывал на стол. Ну точно – сюрреализм какой-то!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.